

Галина Щербова
ЛЮБИМЫЙ ХУДОЖНИК

СТИХИ

Москва
КРУГЪ
2012

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Щ61

Щербова, Галина.

Щ61 **Любимый художник** : стихи – М. : Кругъ, 2012. – 188 с.
ISBN 978-5-7396-0188-9

Книга Галины Щербовой представляет собой хронологический ряд стихов, из написанных с 1991-го по 2011 год. Главная идея сборника и его фактический эпиграф: «Самые обычные слова могут быть по-разному поняты. Без разночтений остаётся лишь “Я тебя люблю”». В оформлении использована композиция «Философ». Серо-голубой круг. В центре загорелый человек в тоге. Курчавая шевелюра, борода с проседью. В руке причудливая раковина. Философ слушает не море, а раковину, играющую смыслами. В завитках раковины эхо представляется ему истиной, а истина не принимается в расчёт ввиду простоты.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-7396-0188-9

© Г. Щербова, 2012

1992

* * *

(цикл «Стихи из романа»)

Слабым пальцем свечи оживляется стол мой.
За квадратами рам каменеет бесплотная тьма.
Соловьиных рулад убегают неровные волны,
возвращая обманчивым эхом бесхитростный мат.

В толще сумрака плавает скользкий будильник.
Почивают низы. Но бессонно колдуют верхи,
подменяя спокойные сны на пружинах бессильных
непристойным желаньем строчить среди ночи стихи.

1.06

Сергей Николаич

(цикл «Сквозь пальцы»)

Сергей Николаич, неужели вы спите
светлым вечером первого летнего дня?
Не расслышав звенящего бега событий,
не решаясь и мыслью коснуться меня?

Сергей Николаич, прекрасное рядом.
Вы просты и скромны. Или может вам лень
проходить на конюшню не полем, а садом,
где я вас поджидаю который-то день?

Сергей Николаич, вы, конечно, устали.
Сельский труд круглый год неизбывно суров.
Но проснитесь, всё тлеют небесные дали,
и найдите меня у поленницы дров.

Сергей Николаич, спрячем за деревьями
ваш растерянный вид, мой вопрос озорной.
Просто мы посидим на скамеечке с вами.
Вечер сказочно щедр. Он велик мне одной.

9.06

* * *

Погляди ж на меня, я твой взгляд набросаю стихами,
как штрихами цветных грифелей.
Я его оживлю и прочувствую вновь потрохами
непреклонность его и его откровенный елей.

И уже ощутив полыхающей меди оттенки, –
жар чеканки, припудренной рябью тычков, –
неизбежно очнусь обречённым у каменной стенки
перед дулами мёртвых зрачков.

18.06

* * *

В заповеднике снов цвета бледного чаю
из бесчисленных троп уходя по любой,
я как прежде тебя то и дело встречаю,
но уже не страшусь объяснений с тобой.
Научилась не верить в дурную примету,
не бояться молвы – не оставит следа.
Мы имели бы право врать целому свету,
если б только друг другу не врили всегда.

27.06

Оттиск в памяти

Чётким силуэтом две спины.
Чёрный коридор. Окна свеченье.
Мы друг в друга тайно влюблены.
В этом – наше счастье и мученье.

Каждый взгляды за окошко шлёт,
созерцая с прилежаньем редким
дерева прозрачный переплёт,
воробья, спящего по веткам.

И молчим. И трепетно полны
страхом поцелуев и отметок,
вдруг хохочем: пьяный от весны
воробей свалился в гущу веток.

4.07

Разрыв

...и никаких сомнений, словопрений, –
простое «нет» ясней и твёрже стали.
Глаза в предсмертный миг перелистали
переплетенье взлётов и падений.

Всё прочь неудержимо устремилось.
Тьма. Ни полутонов, ни светотени.
Вслепую ноги щупают ступени.
Целительное время цедит милость.

В молчании звучат суровым слогом
то смертная тоска, то плач, то скука.
Сейчас и впредь и встреча, и разлука –
всё будет промежуточным итогом...

5.07

О взглядах

(цикл «Сквозь пальцы»)

Я знаю только ваше имя,
но мне гораздо больше надо.
Я, как мосты, бросаю взгляды,
пробелы восполняя ими.

Скользкий взгляд коснётся цели,
неуловимостью тревожа,
ознобом пробежит по коже.
Да был ли он на самом деле?

Но взгляд в упор – стихия страсти.
Такие взгляды не случайны.
И на пороге нашей тайны
мы их отводим с быстрым «Здрасьте».

8.07

Чудо

(цикл «Сквозь пальцы»)

Ждал дождя, как тебя.
Звал на помощь, назад.
А жара, пыль клубя,
наступала на сад.

Ждал тебя, как дождя,
слушал шум поездов,
от тоски уходя
в отупенье трудов.

Ты вернулась. И вдруг
синью сказочных глаз
обвела всё вокруг.
Гром ударил тотчас.

Словно занавес вниз
шелестящей волной,
синим бархатом брызг
хлынул дождь проливной.

15.07

Потеря

Лицом уткнусь в промятого дивана
измученную ткань.
Разбит флакон, разлита валерьяна —
самообману дань.
Как будто в послеоперационной,
где лёд и белизна,
часы кладут бессильные поклоны
у образа окна,
молитвенно бормочут заверенья,
что можно, не скорбя,
тихонько жить, но только в измеренье,
где не было тебя.

15.07

* * *

(цикл «Стихи из романа»)

Я выплюсь днём под грохот фур на трассе,
под шум людей, врывающийся в уши.
А тихий вечер встречу на террасе,
разбередив теней живые души.

В свету, который нежен и неярок,
в молчании слова перебираю,
покуда не расплавится огарок,
и тьма не даст голубизну по краю.

18.07

* * *

(цикл «Сквозь пальцы»)

Все объяснения брошены втуне.
Впрочем, и не было их.
Звёздные липы сияли в безлунье.
Ветер смущённо утих.

Слово «люблю» разметалось на слоги.
Губы смеялись во тьме.
Еле несли ослабевшие ноги
только одно на уме.

А на упругих копнах сеновала,
где мы шептались в чаду,
синюю кофточку я затеряла,
знак, что и завтра приду.

23.07

Начало

(цикл «Стихи из романа»)

Все ушли далеко, голоса их едва долетают.
Сотни лютиков солнце едят гляncем маленьких ртов.
В ожидании чуда траву как волшебную книгу листаю.
Ты кладёшь в мой букет ослабевшие стебли цветов.

Ветер тени пятнает, играя рассыпанным светом.
Мы потерянно кружим в прицеле у меткого мая.
Ты спросил: «Отчего у берёз белый ствол?» Что ответить на это...
Я тревожно молчала, бессмысленность слов понимая.

2.08

Призыв

(цикл «Сквозь пальцы»)

Выходи. Выходи. Выходи, – неотступно зову.
Выходи. Я тебя стерегу за незапертой дверью.
Выходи. Для тебя рассекаю огнём синеву.
Ты услышь и приди. Ты придёшь. Верю. Верю.

Поднимайся. Невидимым зверем из душного сна
ускользай, пряча хищные взгляды под веки.
В окно постучи. Занавесок вздохнёт желтизна.
И провалимся в ночь без покрывки, без дна, без опеки.

2.08

Итог

Всё молчим и молчание слушаем.
Непогода пришла после ясности.
Окрылённые единодушием,
очутились в плену сопричастности.
Сквозь решётчатые членения
окна цедят у нас за спинами
синьку вечера, от волнения
вея занавесей сатинами,
дышат в темя дождями блёклыми,
ловят сумерки веток сетками.
Всё забыв, заглядимся в стёкла мы,
двинув по полу табуретками.

27.08

Хмельное

Серыми мазками реют облака.
Чернота безлуния обрамила поле.
Я вернулась крадучись, пьяная слегка.
У столба штaketника встала на приколе.

Ночь из силуэтов что-то мастерит.
Не заснуть от радости. Рву губами вишни.
Падай без задания вниз, метеорит.
Всё сбылось. А прочие мелочи излишни.

28.08

Московский вокзал

Вечерним солнцем засвечен
серый перрон, вокзал.
Может быть, это встреча?
Прощанье. Взгляни в их глаза.
Четыре ночи бессонные
прожигают бескровные лица.
Следит, заморожённая,
как его взгляд лучится,
нестерпимо высок и светел,
словно крик.
«Какую сказку я встретил...» –
сказал проходивший старик. –
Вздвогнув, метнула
взглядом в его черты.
«А схожи, – в уме мелькнуло,
лики падших и лики святых.
Значит, тоже заметил.
Значит, правда – эти лучи.
Значит, есть чудеса на свете.
Обнимай. Отпускай. Молчи».

7.09

Апрель в Летнем саду

Толстые зелёные почки куполов
первыми проклюнулись над литьём ограды.
Бархатная царственность липовых стволов.
Зачехлённых мраморов постные наряды.
Грубый снег и бодрое карканье ворон.
И уже достаточно поцелуя, чтобы
летняя династия захватила трон,
превращая в музыку грязные сугробы.

8.09

Душа поёт

В небе акварельном птичья карамель
и ветра прозрачные синь перемешали.
Облако на дерево село, как на мель.
Что звучит так нежно? Не моя душа ли?

В поле тропка между рожью да овсом.
Буду ждать тебя я, сколько б ни пеняли.
Нас туман укроет, бел и невесом.
Кто зовёт так внятно? Это не меня ли?

В воздухе прохлада. Тишь и благодать.
Отдавай мне сердце, ведь могу украсть я.
Ни конца, ни края ночи не видать.
Чья звезда так светит? Моего ли счастья?

18.09

* * *

С.Д.

Забывшийся город распахнут ветрам и просторам.
Что движется здесь, то уже никуда не спешит.
Ночная прохлада сквозит по пустым коридорам,
где сон фонарями, как белыми нитками, шит.

Уже мостовые заботливой лейкой политы
и кажутся реками в радужных блёстках огней.
А реки невидимы – скрылись в гранитные плиты.
Всё странно сместилось от росчерка резких теней.

Всё неузнаваемо и ни на что не похоже.
Из призрачных улиц сплетается путаный путь.
И если до дома никак не доехать, то всё же
теперь до рассвета сумеем с тобой дотянуть.

6.10

По-соседски

Мы принадлежность нашего подъезда.
Мы друг для друга добрые соседи,
знакомые, как синь стены облезлой,
как лифта шум и кнопки тусклой меди.

Но вы как будто на меня в обиде.
Иду навстречу – в сторону свернёте.
Гляжу – глаза отводите, не видя.
Всё замерло на этой странной ноте.

Мне, право, далеко до Афродиты
зимой, в берете, и в конце недели.
Не оттого ль вы на меня сердиты,
что я вам нравлюсь? Верно? В самом деле?!

15.10

* * *

(цикл «Стихи из романа»)

В ноябрьские сумерки глубже усталость.
Тень ходит кругами у глаз.
До Нового года недолго осталось
раскраивать синий атлас.

Тревожен следов неуверенный почерк
с тяжёлыми точками сна.
Пунктир незаметно сливается в прочерк,
и линия жизни черна.

Снег ладит уборы невнятной расцветки
на головы улиц сырых,
подушкой заплаканной давит на ветки,
цепляясь за тёрку коры.

А в комнате, в лапах уютного плена
свет лампы едва моросит.
И образ окна ледяной и нетленный
висит на продольной оси.

22.11

Зимний рассвет

Полусонный рассвет лепит длинными пальцами
очертанья домов, углубленья окон.
К синеве, распрямлённой гигантскими пальцами,
не спеша прикрепляет ажурный балкон.
Пудрит инеем чёрную голову леса,
озаренье румян на стволы оброня.
И, прощаясь, посмотрит не без интереса
в нежный лик на глазах сотворённого дня.

28.12

1993

Третье января

По комнате нетвёрдыми шажками,
пересекая света полосу,
пройду одна, обеими руками
удерживая сердце на весу.

Шестёрка чувств в порыве безотчётном
вслед за тобой летит. В который раз...
На ёлке бусы звякнули, как чётки,
отчаяньем не прозвучавших фраз.

Легли огней цветные отголоски
на обещаний праздничный прибой.
И слабо тлеет возле веток жёстких
живой тюльпан, подаренный тобой.

10.01

Жалко ёлку

Неумолимо льются иглы цвета
с безрадостным названьем «окись хрома».
Пупырчатые косточки скелета
несут в себе болезненность излома.
Суля разлуку, на душе смешалось
сто чувств, одно другим одолевая:
томит вина, и разбирает жалость,
и тянет жизнь, как нитка долевая.

25.01

Тарту

Город стих, обнажив листопадами чувства.
Вдохновение, смеха короткий звонок –
стая преданных служек большого искусства
на этюдах продрогла у зыбких треног.

Островерхие церкви молчат отрешённо.
Первый снег. Пробирает озноб до основ.
Акварель замерзает на белом торшоне
неуверенной наледью бледных тонов.

Намозолила плечи этюдника ляпка.
Влажно дышит под варежкой спрятанный рот.
На подъёме к руинам старинного замка
страх и радость – столкнуться с тобой у ворот.

Вечер выткал в готических окнах развалин
шторы снега и выкрасил в ультрамарин.
Мы тревожно молчали, пока рисовали
отдалённые улочки в искрах витрин.

2.03

* * *

(цикл «Стихи из романа»)

В.А.

Линялый лес, таясь в глуши укромной,
канвой апреля накрывает лёд.
Вороньи гнёзда как аэродромы
готовят новых эскадрилий взлёт.

Земля дымится первобытным паром,
горячих недр дыхание храня.
Стволы берёз обуглены пожаром,
который слепо буйствует в корнях.

Снег всё грязней. Небесный свод всё чище.
Берёзы носят солнце по рядам.
Ты непременно дом весны отыщешь,
пройдя по их протаявшим следам.

22.03

Большая весна

Снег таял и таял, и из-под него
появлялись трупы.

Э.-М. Ремарк. Время любить и время умирать

В лужах небо, в душе благодатная нега,
солнце сушит деревьев плетёный гамак,
топит лёд, вынося из-под талого снега
струпя мусора, пластыри мокрых бумаг.

Новогодних обёрток и фантиков стая
расплавается краской за чёрным кустом.
Серпантин, конфетти, простодушно блистая,
предстают вперемешку с истлевшим листом.

Повинуясь судьбе, возвращаются птицы.
Вьют из проволоки люльки для хватких птенцов.
И уже от весны никуда не укрыться.
Признаю! Принимаю! В конце-то концов!

19.04

Русская народная песня

(цикл «Весна в музыкальной школе»)

Дирижёрская удочка чувствует что-то.
Затаился оркестр. Ни дыханья на свете.
В напряженье молчанья придонные ноты
выплетают свои сокровенные сети.

На конце тишины, на невидимой леске
исполинское чудище ходит кругами
всё быстрее, всё ближе к поверхности плески,
напряжённей мажор в переливчатой гамме.

Нарастает кругов центробежная сила.
Появилась спины монолитная глыба.
И подсечка. И сразу всё заголосило.
Бьётся песня в сети, как огромная рыба.

Разливается ясность напева святая.
Медиаторы домрам под рёбра – не жалко!
Первый класс, подголоски, ногами болтая,
ударяют по струнам ни шатко ни валко.

30.04

* * *

Молчаливым укором – забытые храмы,
розоватые Китежи гиблых болот,
навсегда отзвучавших веков стенограммы,
непреклонного духа бессильный оплот.

И никто угасанья избегнуть не волен, –
разрушаются, нам отпуская грехи,
пятиглавий кресты и шатры колоколен.
И стекает кирпичная кровь в лопухи.

Сотрясаема карканьем, бляньем, лаем,
облетает убранства цветная пыльца.
Мы беспечно не ведаем, что убиваем.
Им одно остаётся – стоять до конца.

7.05

* * *

Я своё о тебе отмечтала,
за тобой отходила своё.
Упоённых прогулок лекала
раскроили житьё и бытё.

До сих пор я внезапно встречаю
в тихих парках, на улицах тех
наши тени, они не случайно
неразлучны. На счастье? На грех?

Романтичны, наивны не в меру
бродят призраки, свято храня
и любовь, и надежду, и веру,
и не видя, идут сквозь меня.

14.05

Царевна-лягушка

У меня есть три часа покоя.
Все ушли. В квартире тишина.
Двери понадёжнее закрою.
Посмотрю на спины из окна.

Распрощаюсь с лягушачьей кожей,
вскину руки, спину растяну,
незнакомке статной и пригожей
в зеркале лукаво подмигну.

И в дому, где сумрачно и пусто,
только слышен маятника бой,
буду вспоминать моё искусство,
буду, наконец, самой собой.

Не пирог, стишок, по крайней мере,
испеку и спрячу словно вор.
Воротясь, Иван мне стукнет в двери.
Лягушонка отопрёт запор.

17.05

Свидание в Ботаническом саду

Двое участников в сцене немой,
и перспективы заведомо плохи.
Тянется шлейфом за белой кормой
звук поцелуев, тяжёлые вздохи.

Справа вибрирует ивовый прут –
правит эскортом баящих лягушек.
«Куррева! Куррева!» – в ряске орут,
травы колебля до самых верхушек.

Я обнимала букет, как весло,
низко клонясь к белокаменным розам.
«Куррева! Куррева!» – следом несло,
грустный финал обращая курьёзом.

4.06

Венчание на крыше

Та ночь – реальность или наважденье?
Но мы ведь совершили восхождение
в туман и дождь, где видимость плохая,
характерами искры высекая.

Внизу мелькали редкие машины.
Пожарная стремянка до вершины,
прощая непростительную шалость,
одним болтом ещё за дом держалась.

Земля вращалась в лязге и качанье.
Мы шли, как в церковь на своё венчанье,
за каждый шаг вперёд платя испугом.
Нас ветер обвенчал. Но не друг с другом –

с какими-то случайными гостями.
Мы расходились разными путями.
А под ногами крыша грохотала
марш Мендельсона с яростью металла.

14.06

* * *

Электричка листает станции –
иллюстрации пыльной книжки.
На поверхности глаза глянцевой
облака, фонари, мальчишки,

объявление: «Красногорская».
Что-то вспомню и вновь забуду,
по названию взглядом порская.
В сквозняке б не схватить простуду.

Окна настезь. В жаре и грохоте
вдаль уносимся благодушно.
Чьи-то возгласы тонут в хохоте.
Кто-то спит. Нестерпимо душно.

Пассажира щадя уставшего,
контролёр не спросил билета.
Я-то думала, это «Павшино».
Оказалось, что просто лето.

23.06

Абрамцево

На Рождество тут всё замечено.
До крылец не добраться без лопаты.
Зима, как чёрно-белое кино,
напомнит обретенья и утраты.
Без полутона жёстче и сильней
контраст и яркость вечной канители,
где тот же снег с порезами лыжней
бинтуют те же длинные метели.

8.09

Благодарение

Спасибо, что скукой молчания кровь леденя,
не дал обмануться, надеждой не околдовал.
У Чистых прудов, за решёткой апрельского дня,
как длительный срок отсидели короткий привал.

Спасибо, что вынудил круто набрать высоту
и необратимость увидеть под острым углом.
Я просто устала. Казалось, покой обрету,
сомненья смилив и заснув у тебя под крылом.

Спасибо, что дал мне свободу отныне, и впредь
рассматривать прошлое, как невозвратный залог.
Спасибо, что в жизни мне было дано умереть.
А кто воскресает, тот знает, как выглядит Бог.

3.11

* * *

Отогреваются осколки
теплом задумчивой руки.
Края их и поныне колки.
Порезы были глубоки.
Заветных шрамов перламутры, —
боль, нега, как ни назови, —
покрыли в духе Камасутры
полжизни знаками любви.

6.11

На Радонеж

Ю.П.Г.

Лыжни плуτούν в сотнях направлений.
В пространстве, накрахмаленном торжественно,
среди других физических явлений
двойное солнце выглядит божественно.

Не затрудняясь ширию расстояний,
внезапных снегопадов мешаниной,
двуглавый свет, как цель своих деяний
находит крест, парящий над равниной –

исток далёких колокольных звонов, –
по небесам белилами рисуя
простую церковь на вершине склонов.
Её название позабыто всеу.

Удары палок снег ритмично колют.
День просиял. И вечер тут как тут.
А все лыжни, блуждающие в поле,
таинственно на Радонеж уйдут.

18.11

Всего лишь я

Sine me ibis, liber!*

Овидий. Скорбные элегии

Стихи, идите в люди. Ныне
я отпускаю вас одних.
Найдёте радость ли, унынье, —
останьтесь утешеньем в них.

Моих предвидений мерило,
начните с чистого листа,
звучите, как заговорила
старинных грамот береста.

Что неизменно, то не ново.
А по законам бытия
деянья предваряет слово.
Смелее, вы — всего лишь я.

1.12

* Без меня пойдешь, книга! (*лат.*)

1994

* * *

Золотыми конфетами в кружеве снежном
оживают окошки вечерних домов.
Из доверчивых комнат — отдельных и смежных —
льётся сказочный отсвет на волны холмов.

Снег кидается под ноги псом шаловливым,
ставит лапы на грудь, лижет щёки и лоб,
и несётся вперёд по искрящим разливам,
на глазах превращаясь в пушистый сугроб.

От метро поверну на втором перекрёстке.
Здесь капризное счастье являлось ко мне,
на ладони роняя волшебные блёстки.
Но теперь я хожу по другой стороне.

23.01

Русичи мы

Храним устои древней веры,
в поверьях с ног до головы,
в снегах, наметенных без меры,
под белым небом снеговым.

Глядим в глаза икон безгласных,
стирая пыль веков рукой,
но пламень охристых и красных
остужен смертною тоской.

Бредём по вешкам, поневоле
искать ответа на вопрос:
что делать? Но в широком поле
всё те же темень да мороз.

И вот, рожаем между делом
слонов под слабый треск лучин,
едва лишь серое на белом
заблудшим сердцем различим.

17.03

* * *

В оторопелом парке поутру
уже идёт весенняя уборка.
Жгут листья. Кучи тают на ветру,
как днями раньше ледяная корка.

Повсюду белых шлейфов кутерьма
стирает очевидные детали.
Вмиг исчезают хмурые дома,
и возникают сказочные дали.

Коварные среди этой красоты
под трубы перекопаны канавы.
А слева гор мерещатся хребты,
простор долин заманивает справа.

Апрельно вероятность велика,
что утренних морозов карта бита.
Бегут мальчишки через облака
играть с огнём, его лихая свита.

23.04

Первая любовь

Раз от раза сначала и в том же порядке.
Друг от друга надежды тая до поры,
мы опять вовлекались в нелепые прятки,
рабски следуя правилам детской игры,
отдавая тяжёлую дань пустословью.
Наконец, беспощадность была прощена.
Мы вздохнули, расправившись с первой любовью.
Но последней опять оказалась она.

5.05

Пережидаю дождь

Дорожки дождя по стеклу пролегли,
ударили в пыль под всевидящим оком.
С высокой мансарды до самой земли
обрушились праздничным хлёстким потоком.

Спасайся, кто может! Толпятся, теснят,
глядят из-под крылец на щедрые струи
и слушают, как вдохновенно звенят
простые мотивы, забытые все.

18.05

* * *

(цикл «Сквозь пальцы»)

Счастливые мечтают, кто о чём.
А я сегодня дождь себе накличу.
Мурлычет кот, свернувшись калачом.
Я в унисон себе под нос мурлычу.

Утроба дома свежестью вестей
сквозь форточки распахнутые дышит.
Повсюду щебет птичек и детей.
И ветер ветки мокрые колышет.

В переплетенье яблоневых крон
настойчивая дробь тяжёлых капель.
В раскатах грома колокольный звон.
В свинцовых тучах пара серых цапель.

21.07

* * *

В осенний день руками развели
и разошлись. Давно. Невозвратно.
Любви примету, – ключ блеснёт в пыли, –
и не заметим, пробегая мимо.

Здоровье, счастье, – Господи, прости, –
успех в работе, в личной жизни тоже.
Мы всё имеем. Мы в расцвете сил.
Процент потерь и промахов ничтожен.

Но лишь начнётся шествие планет,
как раз с иван-да-марьи к иван-чаю,
гляжу – ничто не изменилось, нет...
Как я скучаю по тебе. Как я скучаю!

15.12

1995

Переезд

(цикл «Стихи из романа»)

Из дома с тёмным потолком,
с окном в сплетенье веток снежных
лишь потому ушли легко,
что это было неизбежно.

Не оглянувшись. Всё равно.
И всё другое. Стены. Двери.
Шум улиц ломится в окно,
томя сознанием потери.

Но сердце вслушаться спешит,
необратимость принимая,
снегоуборочных машин
возне как музыке внимая.

Сон входит в комнаты босой,
шепча забытый стих Катулла.
И лифчик бледной полосой
свисает с гнутой спинки стула.

23.02

Март

Словно осенью. Утро в снегу.
Листья чёрными кучами тлеют.
Расстилая на лужах фольгу,
холода выстужают аллею.

Словно осенью. И вместе с тем,
люди носят в пространстве туманов,
не хрустящий мороз хризантем,
а пленительный лепет тюльпанов.

23.03

На теплоходе

(цикл «Стихи из романа»)

То белый, то алый сменяется бакеном бакен.
Деревни глазают. Барашки вдоль борта бегут.
До ночи преследует вой безутешной собаки,
сидевшей у кромки воды на пустом берегу.

В течение плавания в росчерках русла литого
текущие месяц и день узнавать ни к чему.
А рыжий матрос, отдававший под вечер швартовы,
слегка подмигнул и вразвалку ушёл на корму.

16.09

Верный клён

А я рукой махнула и уехала,
не потрепав ладонью ствол шершавый,
не уследив, что двор размечен вехами
и под балконом тянутся канавы.

Клён трепетал ветвями над раскопами,
а корни оголёнными торчали.
Когда меня несло родными тропами,
он не поведал о своей печали.

Не подал знак. И так погиб, замученный,
жестoko замурованный в бетоне,
сияя листьев пламенными тучами.
Но мнится мне, он ждал моей ладони.

6.10

1996

* * *

Всё неизменно. Солнце и земля,
года необратимого круженья.
Но вдруг вираж, и мёртвая петля
засветится огнём преображенья.

В раскатах ожидаемых вестей
над прошлым расступаются туманы,
неся в ладонях пройденных путей
оплаканные было талисманы.

Слепит глаза догадок острие –
прозрение, волнение, стенанье.
Случайный очевидец, как своё
пересказал моё воспоминанье.

Когда б начать всё с чистого листа...
Но, как знаменье в сумерках дремоты,
навстречу незнакомец – неспроста! –
несёт в руках сверкающее что-то.

9.01

Любовь небесная

Брошусь в шезлонг в эпицентре расцветшего сада.
Руки повешу, глаза уведу в небеса,
чтобы веками сидеть, сколько выпадет кряду.
Время не тронет, гудящее словно оса.

Над головой развернутся тенистые своды.
Как непомерно отчаянье, – не передать, –
хватит ли жизни? Не знаю. Но многие годы
мне оставаться с единственной истиной – ждать.

Эта любовь за чертой человеческой воли,
с нежностью гонит по терниям, как по цветам.
Может быть, здесь и не сад уже будет, а поле.
Ты возвратишься. Я буду всё так же, всё там.

Ты на колени опустишься. Я побледнею,
лёгкие руки на плечи тебе положу.
Но не ко мне ты пришёл, ты сейчас перед нею.
И не тебя, а её я за плечи держу.

12.01

* * *

Я пестую стихи, как римская волчица
младенцев-близнецов. Вылизываю их,
лелею и храню. Любовь моя лучится.
Любовью напоён и самый малый стих.

Чего греха таить – скучна, темна, инертна,
но об одном прошу без усталости, без сна:
пусть деньги, слава, власть придут ко мне посмертно,
и лишь одна любовь при жизни мне нужна.

9.02

Моя судьба

Моя беда, что так устроен мир.
Своих предательств сознавая меру,
ты всё молчишь, мой призрачный кумир,
а я и ложь готова взять на веру.

Моя беда, что так устроен ты.
Передо мной не смеешь появиться,
а я, зовя тебя до немоты,
ослепну, тщетно вглядываясь в лица.

11.03

* * *

Забывшим маршрутом троллейбус петляет в местах
забывших свиданий. Вот здесь, от веселья в избытке,
ты бросил медяк в сиротливую шляпу в кустах,
где наших с тобой объяснений увяли попытки.

И сразу же вспять благодарная память течёт,
легко огибая резонанс любых отговорок.
А старый троллейбус ведёт остановкам учёт,
и хлопают прошлому плохо приоткрытые створки.

28.03

Всё

Всё сказано. Всё сделано уже.
И даже то, о чём мечтать не смела.
Начертано готовое клише
на дне двора куском цветного мела.

Легко прощусь, всё зная наперёд.
Лишь две печали в тихом сердце скрою –
любовь, которой не пришёл черёд,
и тьму стихов, не сочинённых мною.

8.04

Любимый художник

Ты вернулся уже? Для меня это важная веха.
Слышу города шум. Словно рыба сквозь город плыву.
Тут мой дом. И хотя на земле ты во всём мне помеха,
только ты небесам надо мной придаёшь синеву.

Не вернулся ещё? Но тебя ожидаю сюда я
и навстречу стремлюсь, угадав, что с утра до утра
этот город, твоими глазами за мной наблюдая,
на просторной палитре разводит твои колера.

12.04

Твои слова

«Всё сыплется...» –
и щёлкнувшие клипсы,
и пуговиц досадная преграда,
и снег из тучи сумрачной и мгливой,
и поцелуев горькая отрада,
и прошлого мерцающие ключья,
и нынешнего прочные устои,
и то, о чём мечтали этой ночью,
на миг забыв, что это всё пустое.

12.04

* * *

А ты молчишь. И я молчу. И просто
струится дней безмолвных череда,
где мы живём, всего имея вдосталь
и потеряв друг друга навсегда.
Сомненья налетают временами,
распластывая чёрные крыла
над той любовью странной – и над нами –
которая была и не была,
пришла, как в сказке, с даром и без дара,
не голой, не одетой, не пешком
и не верхом... И то ли это кара,
а то ли благо? Кто мечтал о ком?
Не покидая фотографий старых,
ты, как всегда, отводишь тёмный взгляд.
А здесь весна, у девочек поджарых
сияют лица! Аж глаза болят.

6.05

Ночная песнь

В открытой форточке, как глаз,
звезда над крышами.
Крадётся мглы лиловой пласт,
как зверь, не слышимый.

Гуляют липы налегке,
расправив платица.
Неугомонная к руке
гитара ластится.

О, Боже мой, не прекословь, —
молю с гитарою, —
зачем мне новая любовь?!
Верни мне старую.

17.05

* * *

Мне имя – охота, которая пуще неволи.
Когда ты вернёшься, не вспомню о старой вине.
Мой облик различен, как лики блаженства и боли,
но это двойник твоего отношенья ко мне.

Когда ты, настигнутый неумолимой погоней,
безмолвствуешь, голову горько на руки клоня,
глотки утешений с моих принимаешь ладоней
и видишь прекрасной, единственной видишь меня.

Но стоит тебе различить с неизменной смекалкой,
как в воздухе медные трубы взметнулись, трубя,
я стану такой некрасивой, неумной и жалкой,
что ты отвернёшься. И мне не дозваться тебя.

б.06

Воздушный замок

Колонны взглядов, швы шагов,
пространство жестов, руст улыбок.
Воздушный замок был так зыбок,
но пал не от руки врагов, –
от наших собственных ошибок.

Метр объяснений, оси встреч
дышали выдержанным стилем,
но были стёрты мёртвым штилем.
Всего-то и смогли сберечь –
мираж с позолочённым шпилем.

24.06

* * *

Когда разлука, словно зов трубы,
разъединила звенья,
она по злой иронии судьбы
не вылилась в забвенье.
И, обойдя сто лет и сто земель, —
так, что и крыть-то нечем, —
преобразила выдержанный хмель
в неотвратимость встречи,
в негромкий разговор рука к руке,
дыхание к дыханью,
как Страшный суд, где всё на волоске
и всё уже за гранью.

18.08

* * *

Пусть всё в итоге обернётся басней,
но в прошлого причудливой резьбе
нет ничего глупее и прекрасней
моих воспоминаний о тебе,
в которых столько тонкой подоплёки
и тайного вопроса белизна:
с каким процентом этот вклад далёкий
и выплатит ли в будущем казна?

26.12

1997

Пасьянс на снегу

Промёрзший тротуар в шестёрках и тузах.
Навстречу дама пик – всё время сводит случай!
Все масти на снегу. Цветная рябь в глазах.
Невиданный пасьянс разложен зимней тучей.

Рубашки холодны, вальтов сковало льдом,
и шваль, и королей, – декабрь уже не лето.
За инеем ветвей я твой узнала дом,
и было странно, что... ещё волнует это.

Но карты на снегу к чему бы? Дом твой пуст.
Куда глаза глядят? Шестёрка черви манит?
Да, любит и любим... Прекрасен снега хруст!
Идём, король бубей, оттаивай в кармане.

18.01

Карнавальное

В толпе безликой – светлый блик,
случайный луч из тучи зябкой –
лазурный взгляд, румяный лик
под яркой карнавальной шляпкой.

Весёлый вызов. Блёсток рой.
Всё вопреки, и всё не в меру.
Ликует, вместе с мишурой
даря любовь, надежду, веру.

И вдруг, его блестящий блеф
связав с порывом без названья,
я возвращусь, преодолев
необратимость расставанья.

21.01

Ни с того ни с сего

Ни с того ни с сего неожиданно вспомню о прошлом,
за немывым окном различив очертанья дождя.
И опять отзовусь – пусть кому-то покажется пошлым –
на призывы весны, восхищеньем порыв подтвержда.

Тих и неошутим затуманенный ветер.
Выхожу без зонта под бесцветного неба дары.
Мне навстречу из арки бежит терракотовый сеттер.
Заливает зелёная зелень сырые дворы.

24.05

Девятнадцатая весна

С.Д.

В лужах кружит пыльца
и вишнёвых цветков лепестки.
Очертанья лица
спят в ладони хранящей руки.
На берлинской лазури
подмосковных небес
в пляске облачных фурий
влажен лунный отвес.
Почек тонкие стрелки
рвутся, сроки блюда.
И парит, вроде грелки,
тротуар от дождя.

24.05

Почтовый ящик

Мой ящик снизу, сбоку, сверху – средний.
Два раза в день внимание моё
попеременно рвут листовок бредни,
газет неукротимое враньё.
Но я ищу фантом волнений в ящиках.
И нет ответа возгласам ума:
Зачем, как встарь, я открываю ящик?!
Чего я жду? Чьего я жду письма?

14.06

* * *

Меня влечёт по жизни мой народ –
толкает, тянет весело и жутко.
Во встречных, в фас и вполуборот,
твои черты улавливаю чутко.

И сразу же, глаза прикрыв рукой,
себе твержу: О нет! Скорее, мимо!
Ведь ты теперь, наверно, не такой, –
неузнаваемый неуловимо.

А вдруг ты здесь... – догадка горяча, –
под маской изменившегося лица
в толпе коснулся моего плеча
и канул. И ни отклика, ни клика.

24.09

1998

* * *

Проснулась ночью. В облаке метели
качался клёна вымерзший скелет.
Как белый снег обрывками летели
воспоминанья отшумевших лет.
И грусть-тоска стояла у порога
не оттого, что мы всё время врозь,
а оттого, что лет ужасно много,
нам не поднять их каменную гроздь.

24.04

Предгрозовое

На палубы упал внезапный холод.
Косым лучом закат ударил сбоку.
Огонь воды волнением размолот.
Все сматывают удочки до срока.
От горизонта дробью бесноватой
слепят зарниц безжизненные блицы.
И тучи небо обложили ватой.
И вату часто простегали птицы.

28.04

По телефону

Он сказал мне: «Здравствуй, ангел мой...»
голосом до ужаса знакомым
по международной и прямой.
В горле радость бессловесным комом.
Невозможно грустно... Против... За...
Он один посмел начать сначала
и любить, не помня, за глаза.
Я в ответ потерянно молчала.

25.05

* * *

Я озарилась искренним письмом,
в любви к тебе открывшись безыскусно.
Я рассказала в трепете немом
всё то, о чём сказать не смела устно.

Три восклицанья, словно три гвоздя.
А между строк – о чём писать не вправе.
И загрустила, подпись выводя.
И лист вложила в книгу, не отправив.

20.07

Настроение

Седина в молодой шевелюре июля –
жёлтый лист, как в зелёное пущенный камень,
как сквозное ранение снайперской пулей,
расплывается тёплым пятном под руками.

Осень ласковой нянькой присмотрит за летом
и схоронит, пригладив младенческий локон.
И застынет в плаще, наизнанку надетом,
за невидящей мутью застёгнутых окон.

31.07

* * *

Я слышу, как позванивает колос,
жужжит невразумительная муха,
но не могу поцеловать твой голос
губами обострившегося слуха.

Я вижу облетевшую аллею,
скамеек два безжизненные ряда,
но не могу обнять тебя за шею
руками зачарованного взгляда.

Я помню день, число и час разлуки,
погоду, диалог у парашюта,
но не могу взять в толк твоей науки
и даже разлюбить тебя за это.

1.09

Загорск

(цикл «Стихи из романа»)

Мы взяли чистый лист и занесли перо
в порыве объяснить свою любовь друг к другу,
и замерли среди заснеженных дворов
под ветками садов, качнувшихся по кругу.

И так с тех пор стоим в заброшенном дворе.
И устремлённость поз не поменяли даже.
Снега уходят, вновь ложатся в ноябре,
молчание плывёт, соря листвою и сажей.

Окраины растят сугробы и грибы
и ничего не ждут, устав следить за нами.
По пыльному листу блуждает перст судьбы,
рассеянно плетя растительный орнамент.

7.10

Ко дню рождения

Таится в памяти занозой
былое, ноя и горя.
О нём волнующейся прозой
скажу в начале ноября.
Но о тебе, с кем всё на взводе
до напряжения в висках,
предпочитая плен свободе,
я даже думаю в стихах.

3.11

* * *

И ждать и догонять – ох нелегко,
и над тобой кружиться, словно птица.
А ты уже зашёл так далеко,
что не успеешь, верно, возвратиться.

Должна признать, ликуя и скорбя,
что никуда нам от судьбы не деться, –
я так давно не видела тебя,
что не успею вдоволь наглядеться.

8.11

* * *

(цикл «Стихи из романа»)

Когда уходит час надежд
и наступает час смиренья,
прекрасные стихотворенья
слагает дательный падеж.

Когда уходит час безумств
и наступает час расплаты,
невозполнимые утраты
рождают скорбную слезу.

Когда уходит час тревог
и наступает миг блаженства,
из половин мужской и женской
объятье созидает Бог.

26.12

1999

Цвета жизни

Едва устанет белый жечь окно,
идти, ложиться, налетать повторно,
и растечётся в мокрое пятно,
в нём неизбежно зародится чёрный.

А следом, как в замедленном кино,
одолевая липкий плен пелёнок, —
в цепи времён бесценное звено —
из чёрного воздвигнется зелёный.

Он пролепечет, что заведено,
отшелушится, обнажая тело,
и станет чёрным. И зимы зерно
в нём пробудится холодно и бело.

22.01

Вздох весны

С утра весна на солнце грела стены,
обкусывала хрупкий лёд с карнизов.
И озарённый краешек вселенной
был весь насквозь флюидами пронизан.

Днём улеглось весеннее смятение,
сверкнувшее случайным эпизодом,
а полночь пролегла лиловой тенью
в снегу за одиноким пешеходом.

12.02

* * *

Сказали про меня: она строга.
А я ушла, запутав след аллеями,
петляя в переулках четверга.
Что ж, ярлыки единожды наклеены.

Я уходила, как всегда, одна,
ни с кем, ни с чем не связанная узами.
Я не строга. Я попросту грустна.
Покинута. Не понята. Не узнана.

3.03

Возлюбленная старого поэта

Китайские болванчики на полке,
калмыцкий чайник из туманной стали
в шкафу, на ключ закрытые, примолкли,
но сквозь стекло следить не перестали.

Чеканный стих сечёт ребром ладони
банальный быт от пола до плафона,
поёт любовь в высокопарном тоне.
Всё служит слову бессловесным фоном.

Всё отражает глянцевоcтью граней
возлюбленную старого поэта.
А маникюр цветёт огнём гераней
естественно, легко, без пиетета.

24.05

Непереводимое

Я говорю с тобой на языке,
который только нам с тобой понятен,
для остальных он – поле белых пятен,
для нас он – пульс в запястье и виске.

Я говорю с тобой на языке,
который возвращает нас в начало
и позволяет то, что огорчало,
исправить, как рисунок на песке.

Я говорю на этом языке
не потому, что я других не знаю, –
в нём журавлиных пауз нить сквозная
милей синицы, спрятанной в руке.

21.07

Золотые шары

Расцвели золотые шары...
Вас дожждаться уже и не чаю.
Я грущу. Я с июньской жары
вас чего-то совсем не встречаю.

Заметает следы до поры
снегопад лепесткового сора.
Вместо вас золотые шары
рассыпаются из-за забора

позолотой несказанных слов,
прижимаясь к штакетнику грудью.
Я касаюсь их жёлтых голов
и стеблей, доверяясь безлюдью.

Скрип калитки? Воздушный порыв?
Вы! Так просто? Да я не перечу...
Ваш букет расцветает, как взрыв,
золотыми шарами навстречу.

15.08

* * *

(цикл «Стихи из романа»)

Вокруг шуршат коричневые листья,
пересыпая оттиски следов.
По их окраске беличьей и лисьей
предвижу наступленье холодов.

Вечерней тучей солнце с неба стёрто.
Фонарь расплылся в поздней синеве.
Я отослала письма в царство мёртвых.
Сегодня мне доставили ответ.

И я хожу туда-сюда по скверу,
где шелестит холодная трава.
Итак, ты жив. Опять воскресла вера.
А может, просто я уже мертва?

30.09

В классе рисунка

А если б золото волос...
А если б розовые губы...
Холодный гипсовый колосс
стоит за конусом и кубом.

Непостижим искусства храм,
где мой мольберт у батареи...
Отливки шов, как старый шрам
над поворотом стройной шеи.

Улыбки призрачный штришок.
Черты в спокойствии застыли.
И словно юности пушок,
на гипсе нежный бархат пыли.

5.12

2000

* * *

Поцелуй! Мне тоскливо и плохо.
Ты давно у меня на примете.
В промежутке короткого вдоха
заискрится огонь междометий.
Я отброшу любые порядки!
Невзирая на куртку сырую,
я к тебе припаду без оглядки,
нелюбимый, тебя очарую,
раскрывая надежды навстречу,
окрылая отчаянной ложью.
Не спрашивай – я не отвечу –
о цветах к ледяному подножью.

21.01

* * *

Ну, непременно что-нибудь случится.
Собьюсь с ноги и выпаду из строя,
с размаху лбом уткнусь в твою ключицу,
свой страх в твои объятия зарюю.
Он прорастёт из них волшебным знаком.
Я изумлюсь его зелёным бликам
в твоих глазах, – что будет добрым знаком, –
подобных двум горячим сердоликам.

9.02

Святая

К.М.

А гробик невесом, весь в розовости рюшек.
Его легко несли отец и старший брат.
Откуда взялся он среди её игрушек?
Немыслимо. Никто такой игре не рад.

И крышка так мала. И горсть гвоздей в придачу.
Дано уйти святой. Зачем рыдать навзрыд?
Не надо так стучать. Разбудите, заплачет.
Младенец сладко спит, и ротик приоткрыт.

Повсюду птичий гам бесцеремонно звонок.
Но в глянцевых венках не прижилась весна.
И трепетный отец заплакан, как ребёнок,
и траурная мать задумчиво бледна.

2.04

Оттепель

(цикл «Стихи из романа»)

1.

Не приезжай, когда зима и холод, –
мне не идут ни шапка, ни платок.
Давно не заливают тот каток,
где лёд коньками острыми исколот.

Ты, окружённый прежним ореолом,
поможешь снять, потом подашь пальто,
но не способно, видимо, ничто
свести в дуэт заведомые соло.

Снег разъедают луж неровных пятна.
Ты скажешь: «Разве нет пути обратно?»
Веду мизинцем по твоей губе.

Да... Оттепель... Пожалуй, шарф не нужен...
Но всё равно я запахнусь потуже,
я ей не доверяю. Как тебе.

2.

Я ей не доверяю, как тебе...

Я ничему не доверяю, впрочем.

Ни воровским пробежкам серой ночи,
ни поступи полуденных побед,

ни болтовне о жизни и судьбе, —
где каждый прав и, несомненно, точен, —
я верю только в силу многоточий...
и даже им чуть меньше, чем себе.

Но ты и я... А зонт как в дождь намок...
Я рыхлый снег слеплю в тугой комок.
А наш роман упорен и не молод...

А я скучна... А ты позёр и шут...
Но если вдруг решишься, я прошу:
не приезжай, когда зима и холод.

4.05

Твоё бегство

Я не прощаюсь, не было ни встреч,
ни тягостных последних объяснений.
Ты уезжаешь, чтобы снова лечь
в угрюмый дрейф во льдах тоски и лени.

Ты так страшишься будущих потерь,
что настоящим жертвуя жестоко,
как от огня спасающийся зверь,
бежишь на запад с пылкого востока,

за вспаханной границы полосу.
Я буду, о грядущем не гадая,
как спящая красавица в лесу,
до поцелуя ждать, не увядая.

Но возвращенье мыслится бедой, –
когда найдёшь меня, разрушив чары, –
я не смогу быть вечно молодой,
я неизбежно стану вечно старой.

12–13.06

Усталый город

С надрывным рёвом вверх тянул мотор.
Мост выгибался кручей перевала.
И пыль вуалью стёкла накрывала.
А город вниз ушёл, открыв простор,
который был на удивленье пуст.
Всё тягостно текло в плену движенья,
где совпадал предел изнеможенья
с концом подъёма, означавшим спуск.
Бетонных туч слоящийся пирог
давил на горло мягкому асфальту.
Машины вылетали горстью смальты
и скатывались в трещины дорог.

10.08

Ночной остров

1.

Грачей чернокрылая рябь на лице синевы.
В приветственном карканье звучны мажорные гаммы.
С большой высоты белый остров не больше панамы,
прибившейся к зарослям непроходимой травы.

Медлительность змей повторяется в сучьях кривых,
на тонком песке черепаших следов пиктограммы.
И справа, и слева безбрежной реки панорамы,
обрывы, протоки стремительных струй долевых.

Над ямами дна исполинские всплески хвостов.
Два белых пера подхватила вода у кустов.
Край отмели длинной течением быстрым распахан.

Но падает ночь, словно байковый душный колпак.
В таинственной чаще, где неразличима тропа,
кругами расходятся волны смертельного страха.

2.
Кругами расходятся волны смертельного страха.
Глубокие тени бесшумно вступают в права.
Касается режущим краем сырая трава
струящихся змей. Убегает по дну черепаха.

Громадные жабы бросаются в воду с размаха.
В охотничьей стойке застыла ужа голова.
Играющих рыб оплетает созвездий канва
и сыплется в полночь горстями остывшего праха.

Прошитый насквозь электрическим треском цикад,
колеблется воздух в мерцании глянца и лака.
Предсмертные стоны. Победные выкрики мрака.

Внезапное солнце ударит лучом наугад...
И всем разгласит, что кошмарные сны не новы,
грачей чернокрылая рябь на лице синевы.

24.08

Каждый раз

По жёлтой подворотне в синь двора,
потом направо, обходя капоты,
бреду в глубоких сумерках с работы,
куда бежала затемно с утра.

Крыльцо отремонтировать пора.
Зевает дверь со стоном долгой ноты.
Почтовые ячейки, словно соты.
Рекламы разноцветной мишура.

В подъезде поразительная тишь.
Темно. Покуда лампу не вверну,
придётся полагаться на луну.

У лифта, изучая тени ниш,
сниму берет и обернусь к окну.
Вдруг ты на подоконнике сидишь?

30.11

2001

* * *

Стучат сердца: спасите-наши-души...
Ко мне придвиньтесь, чтоб не шевелилась,
и неотступно бормочите в уши
любую глупость, сдавшись мне на милость.

Вплетайте поцелуи в уговоры.
Мне волосы ерошьте на затылке.
Дышите в обнажённые проборы
легко, неслышно, ласково, не пылко.

Не отпускайте же меня, ловите,
обняв за плечи, накрывая телом,
баюкая. Я к вам склонюсь на свитер
замороженно и оцепенело.

19.01

Сон

Ты только подразумевался.
Я, как всегда, тебя ждала.
По сновиденьям разливался
поток прозрачного стекла,
где неподвижностью просторов
шло ожиданье вкривь и вкось.
И продолжался сон, в котором
нам встретиться не довелось.

30.01

Мама

Из жизни уходит меня учи.
Под шарканье метлы по тротуарам,
под щебет птиц предутренних в ночи,
под гул весны вослед влюблённым парам.

Собою оставаться навсегда,
не обсуждая близкое прощанье,
в волнениях домашнего труда,
в родных имён обыденном звучанье

под тиканье часов невдалеке...
Я на диван к тебе присяду с края,
и будем рядом мы, рука в руке.
Болезнь в тебе моё лицо стирая

и голос мой стирает с каждым днём.
Безмолвие разлуки не нарушу
в конце концов. Но думая о нём,
я стерегу твою живую душу.

20.03

* * *

Сосняк стряхнул отжившие иголки.
Кленовый лист витает за стволами.
Наносит ветер острыми крылами
на торсы туч чернильные наколки.
Из-за ненастья сумрачней и мгlistей,
тоскливей вечерами и утрами.
И, видя, что зима не за горами,
домашние цветы роняют листья.

18.10

Посланцу

Д.Я.

Внимательней смотри, иду навстречу.
Другого путеводная звезда –
я твой скользкий цепкий взгляд замечу,
но отвечать не стану, как всегда.

А ты смотри. Вот зал пересекаю,
забросив ногу на ногу, сажу,
жакет с плеча с небрежностью спускаю,
глаза непроизвольно отвожу.

Всё, всё запомни, дрожь ладони даже.
С умом определенья подбери
и расскажи ему, что был, что та же.
А о плохом смолчи. Или соври.

21.11

2002

* * *

смерть одних вызывает отчаяние
смерть других – печаль
лишь так определяется
истинная степень привязанности

30.09

2003

* * *

Хотелось бы поговорить с тобой,
пройтись к метро и возвратиться вместе,
не поддаваясь ревности и лести
о прежнем забывать наперебой.

Хотелось бы довериться тебе,
хранителем своим тебя назначить.
Но страшно, что любовь решит иначе
и предпочтёт объятия ходьбе.

4.06

2004

* * *

я не узнала твой голос
так давно мы не говорили
мы говорили долго
так долго мы никогда не говорили
потом я быстро ходила
по остывшему парку
долго ходила
пока не забыла наш разговор

26.05

* * *

в горсти держу твоё сердце
и смотрю
как оно трепещет
а ты далеко
но надо жить
надо что-то делать
и я кладу твоё сердце на полку

28.05

* * *

быстрые взгляды
тяжелы
ловим их и роняем
бессильные
притяжение жжёт прикосновениями
локтя к бедру
плеча к плечу
руки к колену
темно в глазах

4.08

* * *

осень собрали в мешки
смыло с дорожек пыль
сдуло со скамей людей
я парк пробегу
по диагонали
и на краю
вытащу с мелочью из кармана
горстку семян и листьев

11.10

* * *

друзья юности
идут мимо неузнанными
значит
придётся мне
быть всегда узнаваемой
чтобы осталась надежда на встречу

22.10

* * *

мы так редко встречаемся
будто жизнь вечна
в этом есть
даже некоторая прелесть

27.10

* * *

какое длинное время
разделяет тебя и меня
мы уже тысячу раз
доказали верность друг другу
а оно всё длится

6.11

2005

* * *

случилось
были люди
произнесли твоё имя
я не буду сегодня спать
вслушиваясь в его звучание

24.03

На острове Манемвасия

старинный шкаф
случайный сожитель на ночь
смири свои ржавые петли
я не хочу знать о тайнах
блещущих мрачным кармином
в гранях витражных створок
прощаю тебе твоё прошлое
вручаю своё настоящее

9.06

Испанская гитара

пиявки наушников
сосут на полную мощность
визг струн
треск кастаньет
пронзительно!
сладко!
больно!
верю!
можно тебя вернуть!
выдерну наушники
оглохну от тишины
вернусь на землю
нет
нельзя

24.06

* * *

перед портретом матери
всегда осенние листья
а уже весна
у метро продают тюльпаны
как бы хотелось купить

24.06

* * *

мечтаю о встрече
которая случится
когда перестану о ней мечтать
поэтому
не хочу этой встречи

15.09

* * *

горячо любимый
и вдруг
забыт
пытаюсь ради интереса
реанимировать воспоминание
но даже имя стало плоским

15.09

* * *

от безвозвратной потери того
кем не владел
начинаешь заламывать руки

31.10

* * *

если будешь меня любить
буду красивой
если разлюбишь
стану ещё красивей

5.12

2006

* * *

узнала
что ты уехал
и стало так скучно смотреть
в лица идущих навстречу
всё стало скучно
не скучно
только ждать твоего возвращения

13.04

* * *

август
осеннее лето
май
весеннее лето
люблю летнее лето
июньиюль

18.08

Конец романа

Пью поздней ночью, кутаясь в халате,
из хрупкой рюмки красное вино.
Уснуло всё. Лишь дождь стучит в окно,
подобное светящейся заплате.

Невмоготу ворочаться в кровати.
Бессонница. Досадовать грешно.
Но как же мы не виделись давно!
Да и не разговаривали, кстати.

Молчание доверено листу.
Роман уже написан. Глав четыре.
Единственный читатель в целом мире —
его герой. Я подвела черту.
И вот хожу в халате по квартире,
руками раздвигая темноту.

11.09

* * *

Всю ночь звучала музыка вдали,
смеялись люди, фонари горели,
снег сглаживал неровности земли
и серебрил серебряные ели.

А где-то там, где живы короли
в краях иных, на прибранных газонах
пронзительные крокусы взошли,
мигалками грядущего сезона.

10.10

* * *

Какая я с ним?
Не знаю.
Добрая? Злая?
Откуда мне знать, какая?
Я с ним никогда не была!
Разговорчивая?
Немая?
Может, сложная?
Или простая?
Нет. Если выпадет счастье такое,
буду нежной.

10.10

* * *

раздать возлюбленным
слова
им посвящённые
и отпустив на волю
остаться бессловесной

18.12

2007

* * *

не вижу жизни
без того
чтобы в кого-нибудь влюбиться
и чтобы кто-то был влюблён в меня
хотя бы и не тот

23.01

* * *

совсем перестала думать о нём
даже удивляюсь
но всё равно не думаю

23.01

* * *

Хочу хотеть.
Могу мочь.
Люблю любить.
Надеюсь надеяться.
Мечтаю мечтать.

1.06

* * *

вечером
рыжее солнце
трогает зелёные листья
и получается
осень

6.07

* * *

уничтожение
отнимает куда больше сил
чем созидание
когда рвёшь старые фотографии
не надо смотреть
им в лицо

7.10

* * *

нравится
нравится мужчина
и вдруг не нравится!
катастрофа

7.12

2008

* * *

одна из женщин во мне
любит тебя
но не все

5.03

135

Портрет в пейзаже

небо синевы
солнце диска
дорога стрелы
река глади
брови дуг
руки кольца
смерть лица

13.03

* * *

совсем не плохо знать
что хорошо

13.03

* * *

клубок
маленьких прожорливых зверушек
женщина
с утра застелила постель
обратного пути нет

13.03

* * *

прекрасное мгновенно
талантливое кратко
а всё что ни о чём
ужасно длинно

13.03

* * *

хорошее
хорошо вспоминается
плохое
плохо забывается

20.03

* * *

произведя
арифметические вычисления
вдруг обнаружим
что уйму лет
всё помним
всё любим
всё врозь

21.06

Твоё имя

имя —
звон колокола
ан!
и гулкий раскат на бреющем
дрей...
имя —
удары маятника
мера безмерного времени
ан-дрей, ан-дрей
имя —
стук метронома
ан-дрей-ан-дрей-ан-дрей-ан-дрей
имя —
андрейандрейандрейандрей —
шум двигателя серд...

7.11

2009

* * *

зачем тебя ищу
не знаю
наверное затем
чтобы узнать
зачем тебя ищу

24.03

Ноябрь

изумрудная гладь
отражение елей примёрзло к воде
свободен лишь пух камышей

24.03

* * *

ты ведь можешь
принадлежать мне даже тогда
когда я сама принадлежу другому?

12.05

* * *

сизу на скамеечке
дою смородину
ягоды
со стуком
падают
в тазик

26.07

* * *

все съехались
и до полуночи
отмечали
окончание лета
было четыре минуты осени
когда я отправилась спать

1.09

Ортиджа

На небосводе месяца подкова.
И я одна, и ты пришёл один.
Сегодня выпьем самого сухого
из самых белых сицилийских вин.

В ночном кафе Ортиджи многолюдно.
Скалистый остров – сердце Сиракуз –
плывёт сквозь ночь, как сказочное судно,
звенья мостами неразрывных уз.

Волненьем поцелуев и укусов
вода искрит у каменных бортов.
Не покупай у вкрадчивых индусов
и не дари мне срезанных цветов.

Об этом здесь не может быть и речи.
Пока живём, витая в облаках,
ты приходи сюда на наши встречи
с живой геранью в крашенных горшках.

28.08

Любовь Растрелли

Два летних дня Неву не отогрели,
а только волны уложили глаже.
И Зимний стыл, хоть не без эпатажа,
такой же, как на старой акварели.

Почудились барочной флейты трели
и в исполнении виртуоза даже,
когда по новым залам Эрмитажа
меня водил взволнованный Растрелли

по плитам перекрытий этажей,
под небом фонарей и витражей,
снимая и накладывая вето
на грани между истиной и сметой,
бросая подписи в штампы чертежей.
Я, как Нева, ушла не обогретой.

26.09

* * *

принёс мне в постель вина
потом принёс кофе
кофе остыл
и чувства остыли

27.09

* * *

скучно лечь спать
и не спать
встанешь
скучно сидеть
и не спать

27.09

Крым

Ночь изнывает от дневной жары.
Вдоль побережья музыка и вспышки.
На темени невидимой горы
скелет триангуляционной вышки.

За бухтами горбатый Кара-Даг
и Коктебеля призрачные блёстки.
Морской простор простёрся, тих и наг,
расправив голубые перекрёстки.

Закат иссяк. Луны на небе нет.
Затоплен двор жарою по карнизы.
В открытых окнах гаснет жёлтый свет.
Смеётся молодёжь на лавках снизу.

И воздух душен. Сон неуловим.
Несnosны расходившиеся дети.
«Идите спать!» – кричат с балконов им.
Но зной утихнет только на рассвете.

27.09

* * *

шла навстречу
с полным ведром воды
но грязной

4.11

* * *

прокуранные письма
хорошего поэта
пропахли его логовом
но я не люблю стихов
с запахом окурков

16.11

* * *

взял в руки лицо
пил взгляды
целовал
с аппетитом

25.12

2010

Октябрьская кольцевая

искусственные сумерки за чугунной оградой
по бокам длинноногие фонари
назначу свиданье у левого
буду ждать и смотреть сквозь чугунные прутья
на масляный колер сумерек
они кое-где облупились
и чудится
раньше колер был более нежный
лазурь детского воспоминания

14.01

Синоним тишины

девушка в чёрном пальто
идёт под чёрным зонтом
под белым снегом
по белой дороге зимы

3.02

* * *

порадуешь кого-нибудь
и думаешь
не зря живу на свете
кого-нибудь обидишь
и думаешь
нет зря

5.02

* * *

А мы опять в ловушке непогоды.
А ливни всё прозрачней и длинней.
И как канатоходцы, пешеходы
идут по кромкам бортовых камней.

А в парке и дорожки, и тропинки
несут потоков дробную слюду.
Идём цепочкой — не черпнуть в ботинки, —
со встречным обнимаясь на ходу,

руками балансируя неловко,
размахивая вскинутым зонтом.
И дельта нас выносит к остановкам.
И тут же забывается о том.

12.02

* * *

старый человек
дарит старые цветы
не успеваю
донести их до вазы

24.03

* * *

Деревня на холме. Дома тенями.
Звериный след отчётлив. Ни души.
Крапива за осевшими плетнями.
У сгнившего колодца камыши.

В стропилах ветер, клочья серой дранки.
Заглохли огороды на задах.
И яблоки, как скорбные подранки,
даются в руки в спутанных садах.

Уходит жизнь, другой тропой ведома.
Но чей-то взгляд коснётся невзначай:
из окон развалившегося дома
вослед прозрачно смотрит иван-чай.

20.04

* * *

Земля стрекочет сотнями кобылок.
Над ней раскрылся лучезарный зонт.
А на востоке радужный обмылок
воткнулся острым краем в горизонт.
У пруда серебристые осоки,
на дне искрит рубиновый мотыль.
Обрывки туч пушистых и высоких
кладут на воду водяную пыль.

20.04

Облака

они плывут
а я иду
но оттого что я иду
они плывут быстрее
а если я остановлюсь
то всё равно плывут

26.04

Всех скорбящих

в пасмурный ветреный день
стояли у серой плиты
я
брат
и отец
на нас не мигая глядели
дедушка
бабушка
мама
внезапно над головами расчистилось небо
и стая ручных голубей
сделала несколько ярких витков
белоснежных на синем
это мама! мама! привет!
и задёрнулись серые тучи

10.05

Сиреневое безумие

Он высмотрел меня из-за ограды.
Он прятался в сиреневых кустах.
И умопомрачительные взгляды
распугивали порскающих птах.

Он сторожил за прутьями забора,
шатался вдоль него туда-сюда,
как зверь, не затевая разговора,
черту не заступая никогда,

не называя имени ни разу.
Ломал сирень и мне швырял во тьму.
С сиренью, сумасшедшая от сглазу,
я сквозь сирень сама ушла к нему.

14.05

Была там!

шла волновалась
встретила волновалась
говорила волновалась
слушала волновалась
ушла волновалась
приятно
живу

27.05

* * *

А что это у вас пёсик аглицкий али фурлянский какой?
И.С. Тургенев. Малиновая вода

собака несёт свои пятна сквозь травы
охотник за ней наблюдает
как за поплавком
в полном безветрии шелест осиновых крон
необъясним
словно сыплется дождь
над отдельно взятой группой деревьев

18.06

Смерть философа

Воткнув копье он сбросил шлем и лёг...

И. Бунин

Он снял очки. Закрыв глаза. И умер.
В гробу казался статен и высок.
Речитатив священника, как зуммер
стучал в его безжизненный висок.

Под грузом неосмысленных вопросов
молчали все, глотая дым кадил.
С недавней фотографии философ
за действием с иронией следил.

А там растаял снег, раскрылись почки,
стегнув девятым, сороковым днём.
Так и молчали все, поодиночке
печально философствуя о нём.

21.06

* * *

жарко
и жалко
что я никого не люблю

5.07

* * *

Желаем ультрафиолету, йоду!
Но чтобы сад от жажды не поник,
жильцы из окон щедро плещут воду
на чудом распустившийся цветник.

Вода блестит под мокрыми руками,
летит ответом на безмолвный зов,
срываясь голубыми языками
и дробью брызг из леек и тазов.

Ну что за лето, лютое такое!
Со всех пяти панельных этажей
льёт ливень на люпины и левкои.
И лица поливальщиков свежей.

5.07

В белую ночь

Императорских снов изнуряющий шквал –
грандиозные свадьбы и сечи.

Комаром обернувшись, всю ночь целовал
Петербург мои голые плечи,

расправляя крылами Синод и Сенат,
в упоенье своём горделивом
простираясь горячечным маревом над
малосольным чухонским заливом.

Раскалённой Невы золотой мармелад.
Жар восхода над жаром перины.
Гулким эхом в угрюмой цепи анфилад
свист Петра, клёкот Екатерины.

25.07

Чёрное лето

Полотна дыма, лоскуты огня
лес пеленают низовым пожаром.
Под серым пеплом голову креня,
вода болот взмывает белым паром.

Тяжёлый гул и жаркие ветра.
Неисчислимы чёрные стрекозы.
Обугленные листья и кора.
В огне равны и сосны, и берёзы.

Луна ли, солнце в небе – всё одно.
Весь мир багровым заревом застило.
Бессменно, докрасна накалено,
глядит сквозь дым злоеущее светило.

И лишь пески, как чистые снега,
лесной реки, свои открывшей мели.
Уносит пепел быстрая река,
куда ещё пожары не успели.

1.08

Нептун

Тростнику и песку
вздохи моря легки.
Сброшу туфли, тоску,
платье, робость, очки.

Ближе, ближе он! Вот
по колено в воде
царь нефритовых вод,
щерит рот в бороде.

Сладострастен и строг.
Я его обовью.
Он поверх моих ног
зыбь уронит свою.

Но очнись, ускользну,
растянусь во весь рост,
унося сквозь волну
перламутровый хвост.

2.08

Сонет кошке

Нежных связок бархатная фраза,
мягкий факт присутствия без слов.
Драгоценность сумрачных углов —
два фосфоресцирующих страза.

Зеленю космического сглаза,
отражённой глянцами полов,
бьёт молниеносный птицелов
с острыми когтями верхолаза

и молчит. Но если занедужу,
зимний холод плавя головой,
вот тогда, оставив гонор свой,
космос раскрывается наружу
ласковой изнанкой меховой,
заговаривая боль и стужу.

18.08

* * *

Блистательное утро октября.
Характер туч на небе бурно розов.
От горизонта, холодом горя,
стреляет свет крадущихся морозов.

Он магистрали золотит стрелу,
летающую от запада к востоку,
царапает лучами по стеклу,
сдирает с глаз ночную поволоку,

взбивает крыши. А в пустых дворах
ещё темно. Ещё так рано вроде.
Разряженные солнцем в пух и прах
дома стоят горами на восходе.

28.10

* * *

не люблю ключи
без дверей

3.11

София Новгородская

все стоят
прихожане в чёрном
священники в жёлтом
идёт служба
да ходит по храму юноша
ищет девушку
да ходит по храму девушка
ищет юношу

12.11

Плавание в новогодней ёлке

последний прожектор на набережной
помешивает лучом дальнюю воду
переливаются холодные угли
по моей лазурной спине
разгребаю руками
драгоценные блики
бесполезно пытаться прочесть
их быстрые иероглифы
истоптала на пляже песок
измяла морскую гладь
запуталась в шёлковых складках волн
на упругой чёрной постели

13.11

* * *

весной на асфальте
белая надпись
Любимый. Родной. С днём рожденья!
но время идёт
наступая
подошвами шинами лапами
какая же грязная надпись
осенью на асфальте

18.11

Синай
(триолет)

Г.У.

В коричневой пустыне
стеклянный звон камней.
Во мраке сердце стынет
в коричневой пустыне.
Всё молится святыне,
с восходом всё слышней
в коричневой пустыне
стеклянный звон камней.

15.12

* * *

мечтаю в сумерках
возвращаясь домой
увидеть красные лампочки ёлки
на своём затенённом балконе
жаль
что никто кроме меня
не включит гирлянду

24.12

Содержание

1992

«Слабым пальцем свечи оживляется стол мой...»	3
Сергей Николаич	4
«Погляди ж на меня, я твой взгляд набросаю стихами...»	5
«В заповеднике снов цвета бледного чаю...»	6
Оттиск в памяти	7
Разрыв	8
О взглядах	9
Чудо	10
Потеря	11
«Я выплуюсь днём под грохот фур на трассе...»	12
«Все объяснения брошены втуне...»	13
Начало	14
Призыв	15
Итог	16
Хмельное	17
Московский вокзал	18
Апрель в Летнем саду	19
Душа поёт	20
«Забывшийся город распахнут ветрам и просторам...»	21
По-соседски	22
«В ноябрьские сумерки глубже усталость...»	23
Зимний рассвет	24

1993

Третье января	25
Жалко ёлку	26
Тарту	27
«Линялый лес, таясь в глуши укрожной...»	28
Больная весна	29
Русская народная песня	30
«Молчаливым укором – забытые храмы...»	31

«Я своё о тебе отмечала...»	32
Царевна-лягушка	33
Свидание в Ботаническом саду	34
Венчание на крыше	35
«Электричка листает станции...»	36
Абрамцево	37
Благодарение	38
«Отогреваются осколки...»	39
На Радонеж	40
Всего лишь я	41

1994

«Золотыми конфетами в кружеве снежном...»	42
Русичи мы	43
«В оторопелом парке поутру...»	44
Первая любовь	45
Пережидаю дождь	46
«Счастливые мечтают, кто о чём...»	47
«В осенний день руками развели...»	48

1995

Переезд	49
Март	50
На теплоходе	51
Верный клён	52

1996

«Всё неизменно. Солнце и земля...»	53
Любовь небесная	54
«Я пестую стихи, как римская волчица...»	55
Моя судьба	56
«Забьтым маршрутом троллейбус петляет в местах...»	57
Всё	58
Любимый художник	59
Твои слова	60
«А ты молчишь. И я молчу. И просто...»	61
Ночная песнь	62
«Мне имя – охота, которая пуще неволи...»	63

Воздушный замок	64
«Когда разлука, словно зов трубы...»	65
«Пусть всё в итоге обернётся басней...»	66

1997

Пасьянс на снегу	67
Карнавальное	68
Ни с того ни с сего	69
Девятнадцатая весна	70
Почтовый ящик	71
«Меня влечёт по жизни мой народ...»	72

1998

«Проснулась ночью. В облаке метели...»	73
Предгрозовое	74
По телефону	75
«Я озарилась искренним письмом...»	76
Настроение	77
«Я слышу, как позванивает колос...»	78
Загорск	79
Ко дню рождения	80
«И ждать и догонять — ох нелегко...»	81
«Когда уходит час надежд...»	82

1999

Цвета жизни	83
Вздых весны	84
«Сказали про меня: она строга...»	85
Возлюбленная старого поэта	86
Непереводимое	87
Золотые шары	88
«Вокруг шуршат коричневые листья...»	89
В классе рисунка	90

2000

«Поцелуй! Мне тоскливо и плохо!..»	91
«Ну, непременно что-нибудь случится...»	92
Святая	93

Оттепель	
«Не приезжай, когда зима и холод...»	94
«Я ей не доверяю, как тебе...»	95
Твоё бегство	96
Усталый город	97
Ночной остров	
«Грачей чернокрылая рябь на лице синевы...»	98
«Кругами расходятся волны смертельного страха...»	99
Каждый раз	100

2001

«Стучат сердца: спасите-наши-души...»	101
Сон	102
Мама	103
«Сосняк стряхнул отжившие иголки...»	104
Посланцу	105

2002

«смерть одних вызывает отчаяние...»	106
-------------------------------------	-----

2003

«Хотелось бы поговорить с тобой...»	107
-------------------------------------	-----

2004

«я не узнала твой голос...»	108
«в горсти держу твоё сердце...»	109
«быстрые взгляды...»	110
«осень собрали в мешки...»	111
«друзья юности...»	112
«мы так редко встречаемся...»	113
«какое длинное время...»	114

2005

«случилось...»	115
На острове Манемвасия	116
Испанская гитара	117
«перед портретом матери...»	118
«мечтаю о встрече...»	119

«горячо любимый...»	120
«от безвозвратной потери того...»	121
«если будешь меня любить...»	122

2006

«узнала...»	123
«август...»	124
Конец романа	125
«Всю ночь звучала музыка вдали...»	126
«Какая я с ним?...»	127
«раздать возлюбленным...»	128

2007

«не вижу жизни...»	129
«совсем перестала думать о нём...»	130
«Хочу хотеть...»	131
«вечером...»	132
«уничтожение...»	133
«нравится...»	134

2008

«одна из женщин во мне...»	135
Портрет в пейзаже	136
«совсем не плохо знать...»	137
«клубок...»	138
«прекрасное мгновенно...»	139
«хорошее...»	140
«произведя...»	141
Твоё имя	142

2009

«зачем тебя ищу...»	143
Ноябрь	144
«ты ведь можешь...»	145
«сиду на скамеечке...»	146
«все съехались...»	147
Ортиджа	148
Любовь Растрелли	149

«принёс мне в постель вина...»	150
«скучно лечь спать...»	151
Крым	152
«шла навстречу...»	153
«прокуренные письма...»	154
«взял в руки лицо...»	155

2010

Октябрьская кольцевая	156
Синоним тишины	157
«порадуешь кого-нибудь...»	158
«А мы опять в ловушке непогоды...»	159
«старый человек...»	160
«Деревня на холме. Дома тенями...»	161
«Земля стрекочет сотнями кобылок...»	162
Облака	163
Всех скорбящих	164
Сиреневое безумие	165
Была там!	166
«собака несёт свои пятна сквозь травы...»	167
Смерть философа	168
«жарко...»	169
«Желаем ультрафиолету, йоду!..»	170
В белую ночь	171
Чёрное лето	172
Нептун	173
Сонет кошке	174
«Блистательное утро октября...»	175
«не люблю ключи...»	176
София Новгородская	177
Плаванье в новогодней ёлке	178
«весной на асфальте...»	179
Синай	180
«мечтаю в сумерках...»	181

Галина ЩЕРБОВА
Любимый художник

Корректор
М.М. Уразова

•

Вёрстка, макет
Л.А. Шелковой

•

Издательство «Кругъ»
Тел./факс: (495) 729-72-00
E-mail: krugh@yandex.ru

Формат 60x108¹/₃₂. Печ. л. 5,85
Печать офсетная. Гарнитура «Pragmatica»
Подписано в печать 20.12.2011. Тираж 50 экз.

ISBN 978-5-7396-0188-9

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»
Москва, Ильменский проезд, 1